
Алексей КОЛЕСНИКОВ

РАССКАЗЫ

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ВЕКА

И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.
Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам.

И. Бродский

А мы ни в чем не виноваты,
Мы постучались ночью к вам,
Как все бездомные солдаты,
Что просят крова по дворам.

Г. Шпаликов

Через три месяца закончится двадцатый век. Белгород превратился в рынок под открытым небом. ЗМК третий день простаивает без работы. Пролетарии вяло бастуют.

Ботинки утопают в разноцветной травке. Пахнет дождевыми червями и плесневелым хлебом. На солнце жарко, а вот в тени ненавязчиво стынут руки. Хочется уже снега. Пусть летит с неба бесконечным пунктиром. Он так хорош неслежавшийся.

Илья до темноты читал роман постмодерниста. Мечтал научиться ловко плести сюжет. Обещал себе оформить придуманное на каникулах в повесть. Настоящую, крепкую, умную, нужную, живую.

Потом обменялись с матерью грошовыми упреками из-за усталости, способной доконать всякого голодного под вечер. Сели ужинать без отца. В духовке для них вытерпела адскую баню картошка «в мундире», а в морозилке насквозь промерзло сало. Этот чудесный ужин они употребили с невероятным аппетитом, закусив овощным салатом. Три большие картофелины и кирпичик сала, перетянутый мясным ремешком, оставили отцу.

Отец явился к ночи. Ему уже два месяца не платили на стройке. Директор сбежал вместе с деньгами, и крайнего не найдешь.

Время беглецов.

Суетно отец съел нагрешее сало и остывшую картошку, а потом, спохватившись, ушел в коридор. Из-за голода он совершенно забыл о письме, которое вынул из почтового ящика в темноте подъезда.

Алексей Юрьевич Колесников родился в 1993 году в п. Ракитное Белгородской области. Образование высшее юридическое. Публиковался в журналах «Новый берег», «Вопросы литературы». Живет в Белгороде.

Странный адрес на желтом конверте пугал: Тухчар, Новолакский район, Дагестан, Россия. У них нет и никогда не было родственников в Дагестане. О Дагестане часто сообщали в новостях, и новости эти никому не нравились, но при чем тут они?

Собравшись за столом, они вскрыли конверт и прочли. Буквы в письме плясали, как пьяные чертики. Текст, обремененный ошибками, казался путаным и словно не оконченным.

Писал русский солдат, попавший в плен. Он вяло просил у родителей денег на выкуп. Стоимость жизни, подчеркнутая одиночным росчерком, была упомянута дважды. В самом конце послания ютились две строчки о тоске по дому и о мечте: намазать на хлеб домашнего вишневого варенья без косточек.

Мама расплакалась, и Илья, чтобы не слушать причитаний, ушел к себе. Постмодернист не просился читаться. Запланированный променад к знакомым панкам оказался необязательным. Илья все сидел и ковырял мозоли от струн на кончиках пальцев. Актуальный для тех времен бог Виктор Цой пристально рассматривал Илью мудрыми глазами. «Не оставаться в этой траве. Не оставаться...»

— Не стал родителей расстраивать, — сформулировал всем ясное отец, а потом добавил: — Солдатик...

Илью откупили от армии и устроили в институт на последние деньги. Оказывает-ся, он мог сейчас сидеть в яме и сочинять письмо на случайный адрес. Вместо этого судьба позволила ему таскать выбеленные джинсы и иногда после утреннего душа фиксировать истерику волос на макушке маминым полусохшим гелем.

В Белгороде отовсюду ревел «ДДТ». От цветочных магазинов пахло розами. В кинотеатрах вторую неделю крутили «Ворошиловского стрелка».

А что там? Яма из вымытых дождем камней. В ней простуженный солдат, отодвигающий сапогом ведро с собственными испражнениями. У него не по моде отрасли волосы. Сломанные ногти цепляются за пустые карманы брюк. Женщины в теплых платках смотрят на него без уважения.

Где его родители? Может, в Москве, может, в Сибири, а может, их и вовсе нет. А вдруг его отец и мать те трогательные старики из соседнего дома, которые тысячу лет вместе ходят в универмаг за хлебом, кефиром и консервами.

Илья смотрел на полку с чужими книгами и мечтал о своей. Случившиеся переживания следовало выпарить в текст. Перегнуть их, как брагу в самогон. Капелька за капелькой. Пока что у него получилась только одна приличная вещь. В ушедшем месяце он решил отправить ее на конкурс, но письмо с подтверждением никто до сих пор не прислал. Хотя он и не ждал, в общем-то.

Ничего не решив, ничего не придумав, он взял тетрадь и стал заполнять ее неумелыми стихами. Строчка за строчкой, как уродливый домик из перегоревших спичек.

Через месяц было второе письмо, в котором не упоминалось варенье, но было подробно про отрезанную от кителя голову.

Солдату явно диктовали.

Прочитав, мама спросила у стен:

— За что нам это?

А Илья уже все решил. Он планировал успеть до Нового года, до нового века.

В самом конце ноября было третье письмо. Чужая рука требовала денег, щедро размазывая слова по бумаге. Пленный был еще жив — это главное. Вместе с письмом из Дагестана пришел конверт из Москвы. Оказывается, вещичка Ильи заняла первое

место на конкурсе, и денежный приз ждал его в отделении банка, рядом совсем, за углом. Синий диплом победителя чуть измялся.

Заработанные на отгрузке овощей деньги, выклянченные у знакомых, скопленные мамой на шторы, и весь денежный приз Илья запустил мгновенным переводом вместе с письмом в Дагестан.

Снега было удивительно много, и техника не справлялась.

С тех пор, не сговариваясь, они ждали солдата в гости.

Солдат сообщил, что дом его находится в Курске, но захватить не обещал. Однако тридцать первого декабря после шести в дверь позвонили. В подъезде стоял сгорбленный парень с пакетом мандаринов. Синяки на его желтом лице почти выгорели. Откровенный запах смущал. Он сказал, что в Курск уже не добраться, и просился на ночлег. Ему обрадовались как чуду.

Солдат много ел и скупко расходовал слова. Мама поставила перед ним целую банку варенья, правда, не вишневого, а абрикосового. Стесняясь садин, он прикрывал лицо широкой рукой со сбитыми костяшками. Не отказался выпить, а выпив, чудовищно захмелел.

Илья смотрел на солдата как на сползающую к ногам вулканическую лаву. Отец не смешно рассказывал, как варил гудрон в Советской армии на морозе.

Было неловко, но вскоре, устав от искусственных поз, придавленные салатами, все расслабились и замолчали. Раз говорить не о чем, то и не надо. Однако неожиданно солдат скупко рассказал о порядках в плену и о дне спасения. Произнося слово «дерьмо», он виновато глянул на маму.

В одиннадцать часов он уснул на ненадежной раскладушке, так, кстати, и не поблагодарив за выкуп.

Смешивая звуки в единый гул ненастроенного саксофона, Ельцин объявил, что устал.

Илья слушал речь президента и смотрел на замороженных родителей. По их лицам металась лучики, исторгаемые экраном телевизора. Глядя сквозь окошко на горбатый фонарь, можно было заметить, что снег прекратился.

Попрощавшись утром, солдат уехал.

Мама собрала ему завтрак в дорогу, хотя от Белгорода до Курска всего ничего. Солдат некоторое время понуро мялся в коридоре, сам себе наступая на ноги, а потом коротко кивнул и ушел, неплотно прикрыв заскрипевшую дверь.

— Не поблагодарил все-таки! — будто восхищаясь, сказал отец. — Слов не нашел пацан. Или застеснялся.

Илья без всякой обиды махнул рукой и ушел на кухню. Там в пакетике, как яйца в гнезде, приютились солдатские мандарины.

— Мам, иди, мандарин очищу.

С того самого дня Илья ничего не писал, кроме лекций в институте. Мира за окном ему хватало вполне. Выкуп солдатской жизни он считал своим отходным произведением. Честным, чистым и красивым.

Кто-то должен жить в двадцать первом веке. Вот он и будет. А сочиняют пусть другие, если им так этого хочется.

РАССКАЗ ПРО ЛЕНИНА

Они поняли КАК случайно. Работали совсем в другом направлении — мечтали об омоложении. Когда стало ясно, что МОЖНО, то долго искали подходящий материал. В конце концов решили разбудить Ленина как наиболее сохранившегося мертвеца. Приурочили к юбилею Зюганова. Операцию провели тайно, чтобы патриоты, фашисты, либералы и монархисты не вякали, ведь скоро выборы.

Ленин долго учился ходить и все молчал, растерянно поглядывая на белозубых врачей. Потом он заговорил и все больше спрашивал, нежели рассказывал. Он подробно исследовал систему государственного устройства России и остался недоволен — капитализм. Однако будучи гегельянцем, Ленин особенно не изумлялся увиденному, лишь процитировал: «...когда под пулями от нас буржуи бегали, как мы когда-то бегали от них». Стихотворение Ленину нравилось. Он бормотал его про себя, во время постоперационных исследований. Врачи ползали вокруг слабенького тельца Вождя и удивлялись эластичности его желтоватой кожи. Лепили ему на лоб присоски, ковыряли иглами кожу и дергали волоски с затылка. Во время этих манипуляций пациент хохотал, потому что было щекотно.

Когда Ленина отпустили, была осень. Иногда начинался густой и холодный дождь. Будто от смущения, покрасневшие деревья раскачивались то от теплого, то внезапно от холодного ветра. Редкое солнце ласково покусывало землю, будто извиняясь за неприятности, доставленные дождем.

Ленин, пряча бороду в воротник пальто, снаружи осмотрел мавзолей, не решившись войти внутрь. Не от страха, конечно, а просто потому, что очередь. Нудно ведь стоять без дела, подслушивая чириканье худощавых студентов-бездельников.

Когда стемнело, он некоторое время постоял у Кремлевской стены, подпираемой трупами товарищей, последователей и жены. Цветы он не возложил, потому что они дорогие.

Ему дали однушку на Ленинском проспекте (провели как «жилье для ветеранов»). Месяц на второй назначили приличную пенсию, как у госслужащих. Ленин учился пользоваться телевизором, микроволновкой, электрической машинкой для стрижки; присматривал одежду, модную, но не броскую; пробовал суши и баночное пиво с анчоусами; как и прежде, много читал; ходил в музей современного искусства — смотрел там на смятые керамические баночки из-под газировки. Он укрывался от бессонницы в кинотеатрах, глушил шуршание Москвы плескающимся в наушниках Бетховеном, прятал карие глаза за синими ибисувскими очками.

Так прошел год. На выборы Ленин как истинный марксист не ходил. Банковскую карту не заводил — пенсию получал на почте. Летом он ездил на велосипеде за грибами в Подмоскowie, а зимой просиживал в библиотеке, перечитывая давно выученные наизусть книги. Через Авито он приобрел Большую Советскую энциклопедию и занял ею небольшой фанерный шкаф. Хотел для смеху занять серую серию собственных сочинений, но смешить было некого.

В один из очень унылых вечеров он посмотрел «Нимфоманку» Ларса фон Триера — соблазнился бродившим в Интернете отрывком, где главная героиня рассуждает о десертной вилке, способной быть классовым индикатором. После он отправился спать, но так и не уснул, ни то от жары, ни то от жара в сердце. Он поднялся с кровати, сунул ноги в адидасовские брюки, застегнул на голом теле олимпийку и пошел встречать рассвет.

Дома меняли оттенки в зависимости от угла солнечного света. Вначале они были серы, но вскоре затянулись голубоватой пленкой. Потом на них проступила розоватая

рябь, как сыпь на безволосом теле. А чуть позже, уже совершенно у края ночи, панельки вспыхнули на один лишь миг алым и мгновенно остыли до привычной белизны.

Ленин неспешно шаркал кроссовками, двигаясь к Красной площади. Менты утрамбовывали в узик посиневшего наркомана, таджик, сплевывая под ноги, драл плитку метлой, белобрысая шлюха, отработав смену, выдернула из багажника такси шелестящий пакет с продуктами. Крохотная старуха с ведром яблок спешила занять место в тени.

Машины в пробке напоминали миграцию бизонов в Африке. Реклама казалась гниющей проказой на теле столицы. Воздух не оставлял шансов астматикам. Дети тащили за спинами квадратные портфели и скупо матерились, затягивая разболтанные шнурки. Далеко-далеко пыхтели заводы, производя фальшивые облака.

Ленин тер руки — они коченели, как у всех стариков. Ему хотелось поговорить с кем-то, поспорить. Устроить «драчку». Он знал, что не станет этого делать. За прожитый год он реагировал лишь на следующую триаду вопросов: «Картой/наличными? Большой/маленький? Бонусы собираете?». Все остальное время до онемения языка и скул он стоически молчал.

На задворках Кремля гремел митинг «За честные выборы». Бастующие с разноцветными флагами выкрикивали ироничные стишки и потели, прижимаясь друг к другу. Тряпочно-металлическое кольцо ментов угрожающе сжималось. Ленин, покривившись, сунул в уши наушники и включил рэп — давно хотел в нем разобраться. Смотреть на происходящее под бит было весело. Увидев беременную девку, которая толкала щит омовца спелым животом, Ленин сощурил глаза и улыбнулся: авангард революции.

Он шел в «Макдональдс», который возле Кремля. Там он любил откусать ролл с курицей и выпить стаканчик кофе. Он, конечно, подозревал, что его не просто так тянет к мавзолею, но особенно рефлексировать не хотелось.

Нужно было как-то протиснуться сквозь митингующий поток. Ленин заметил брешь и проворно ринулся сквозь колонну. Для виду он кряхтел по-стариковски, рассматривая вспотевшие лица сквозь синеватые стекла очков. В тот самый момент, когда толпа была практически преодолена, Ленин увидел мчащегося на него омовца. Он широко растопырил руки, пытаясь поймать метнувшихся врассыпную активистов. Ленин решил, что не дастся. Он пригнулся, прыгнул, не разгибаясь, в сторону и скоренько потрусил к тротуару, на объектив перепуганного фотографа. Чтобы не быть пойманным фотоаппаратом, он прикрыл челюсть рукавом красной олимпийки.

В момент, когда спасение уже было близко, Ленин ощутил на гладкой макушке что-то тяжелое и холодное. Тело содрогнулось от боли, которая стремительно расползлась из сердца. Капелька крови рухнула на веснушчатый нос Вождя, и молодое пламя зарождающегося дня погасло беззвучно.

Его вместе с другими задержанными доставили на автозаке в опорный пункт, приютившийся на Большой Пионерской, но там его почему-то не оставили. Повезли куда-то — он не понимал куда, потому что потрескивало в голове и всю дорогу хотелось спать.

В камере было душно и сухо. У стенки дергался смазливый наркет. Пьяный женоподобный парень требовал позвонить. Перепуганный подросток, пойманный на митинге, тихонько плакал, увлажняя слезами и соплями растянутый свитер. Взятый за вымогательство дядька, блестящий от наколок, восседал на нарах, наслаждаясь статусом хозяина хаты.

Ленин опустил на корточки у стенки и вскоре уснул. Ему снился Иван Бабушкин. Он с товарищами стоял у края неглубокой могилы и улыбался, покручивая гряз-

ными пальцами ус. От мороза трещали худые деревья, и снег казался рассыпанным сахаром. Царская шавка Ренненкампф неподалеку рисовал какие-то знаки веточкой на снегу, подгоняя заковыристым матом невеселых солдат.

Бабушкин что-то шептал товарищам, а они отвечали. Солдатики в долгополых шинелях дрожали от холода, поглядывая на своего жирного генерала — ему тоже было нелегко. При каждом шумном выдохе от его усов отделялось облачко молочного пара. Он даже на морозе потел.

Наконец генерал скомандовал, солдаты прицелились и стрельнули вразнобой. Казенные свалились в яму и затихли, как притворщики. Один только парень рукой поводил, да и тот вскоре замер. Ленин как бы стоял за спинами солдат и провожал расстрелянных без суда и следствия революционеров на последнюю акцию. Во время выстрела он хотел вскрикнуть, но не смог. Только рот приоткрыл и проглотил пузырь почему-то теплого и кислотоватого воздуха.

Он умер под утро, не просыпаясь. К вечеру, конечно, его опознали. Эфэсбэшники увезли тело в Кремль. Там долго думали, что теперь делать. Полноватый мужчина с бордовым лицом и такой же шеей печально отметил вслух:

— Да, не уберегли мы Владимира Ильича...

А тихий сероглазый мужчина в элегантном пиджаке возразил:

— Сидел бы дома, а то опять за старое, — и добавил, значительно помолчав: — Ленин-революционер нам не нужен, господа.

Вождя отвезли в мавзолей, вынули муляж, уложили оригинальное тело, скрестили за чем-то руки и оставили Вождя так. С тех пор Ленина не будили. Он так и остался в том январском сне про расстрел Бабушкина, за спинами у промерзших солдат.

За год жизни Ленина ничего не произошло. О его пробуждении никто не знал, кроме специально привлеченных к операции сотрудников. Честные выборы все-таки состоялись. Народ выбрал всех, кого очень хотел.